

Решение Третьего дяди Дина открыть лавку по продаже зерна было делом хорошим. Стоило ему поделиться задумкой со старым Старостой трех деревень, как тот сразу поддержал его:

— Запиши дело на имя жены. Скажи всем, будто открыл лавку на её приданое. Твоя благоверная наверняка против не будет.

— Да где там! Она только рада будет, — рассмеялся Третий дядя. — Вот только я думаю сначала зерна поднакопить, а саму лавку открыть уже весной, когда потеплеет.

— Договорились, — кивнул Староста трех деревень.

Раз добро было получено, деревенский староста пообещал помочь Третьему дяде потихоньку, без лишнего шума скупить у людей излишки урожая.

Хотя лавку оформляли на имя Третьей тетушки, Дин Тянь не просто сдал родственникам помещение в аренду, но и решил войти в долю, выделив на общее дело триста лянов серебра под залог уставного капитала.

— Тянь-эр, это же уйма денег! — так и ахнул Третий дядя при виде серебра.

У него самого за душой было от силы двести лянов сбережений да около десятка лянов на мелкие расходы, и по деревенским меркам их семья считалась весьма зажиточной. Триста лянов для простого крестьянина были суммой поистине астрономической.

Их нынешний достаток сложился во многом благодаря тому, что целых три года уезд был освобожден от податей. В этом же году налоги пришлось платить в полном объеме, из-за чего чистой прибыли почти не осталось, да и цены на зерно на рынке упали ниже некуда.

Сбережения удалось скопить лишь благодаря недавней войне. Когда враг подступил к воротам, крестьяне изо всех сил снабжали уездный город провиантом и фуражом. После победы, разумеется, последовало щедрое вознаграждение. В управе Бэйфэн развернулись самые жестокие сражения, так что в стороне не осталась ни одна семья: кто не бился на стенах, тот таскал припасы, а старики собирали целебные травы в горах и относили их в лагерные лазареты военным лекарям. Императорский двор, празднуя победу, скупиться на награды не стал, и каждый получил свою долю серебра.

Присвоить военные выплаты никто из чиновников не осмелился — шутка ли, связываться со злыми, почуявшими вкус крови солдатами? Обернись дело обманом, те мигом подняли бы бунт. Именно поэтому семья Дин сумела сколотить крепкое хозяйство, заметно превосходившее соседские. К тому же Дин Дахай пал смертью храбрых на поле боя, за что его родным полагалось особое пособие.

Не будь всех этих выплат, крестьянским трудом — сколько ни надрывай спину от зари до зари — больше пятидесяти лянов в год никак не заработать.

Поэтому, когда Дин Тянь небрежно выложил на стол три банковских билета по сто лянов каждый, у Третьего дяди перехватило дыхание.

— Считайте это моим вкладом в дело, — успокоил его Дин Тянь, обращаясь и к Третьей тетушке. — И не думайте, будто я навязываюсь ради легкой наживы. Если в городе будут знать, что за лавкой стою я, главный тюремщик, то и всякие прихлебатели побоятся совать к вам нос. К тому же сдастся мне, что наши конкуренты долго не протянут.

Дин Тянь пока не понимал, почему господин префект Ду медлит с визитом, а его личный советник не присылает вестей, но до него уже дошли определенные слухи. Родственник уездного судьи Ма явно открыл свою лавку с далеко идущими намерениями. Стоило Дин Тяню вспомнить о казенных амбарах, ломившихся от «излишков» зерна, как все кусочки мозаики сложились воедино.

Казенный хлеб мог храниться в закромах не дольше трех лет. Если зерно вовремя не расходовалось, оно превращалось в слежавшуюся труху. Чтобы избежать порчи, власти обычно распродавали старые запасы по бросовой цене, заполняя освободившиеся склады свежим урожаем. Наличие полных амбаров гарантировало спокойствие уезда на случай любого стихийного бедствия или осады.

Но в их уезде Бычьего Рога дела обстояли иначе. Город отстроили заново, и его склады до недавнего времени пустовали настолько, что там можно было устраивать конные скачки. Забеги туда мышь — и та разрыдалась бы от тоски: ни единого зернышка!

Лишь после осенней жатвы закрома наконец доверху засыпали свежим зерном.

И среди этих припасов неизбежно образовались те самые «излишки», утаенные при подсчете. Было бы верхом глупости со стороны уездного судьи Ма не попытаться тайно сбыть этот хлеб и набить собственный карман.

— Верно мыслишь! — сердито подхватил Второй дядя Дин. — Люди они бессовестные, их дело на чужом несчастье долго не простоит.

Крестьяне из их деревни пробовали возить зерно перекупщикам, но, увидев вывеску Зерновой лавки семьи Гао, сразу разворачивались. Новые хозяева бессовестно сбивали цену, стоило им узнать, что продавец родом из деревни семьи Дин. Всему виной была старшая молодая госпожа Гао, в девичестве Чэнь, которая когда-то была помолвлена с Дин Тянем. Уж неизвестно, кто именно из семейства Гао отдал такое распоряжение, но они явно вознамерились известить всю их деревню.

— Тянь-эр, если мы тоже выложим триста лянов, то вместе с твоими получится шестьсот. Хватит ли этого для закупки? — Третий дядя бережно разгладил пальцами серебряные векселя. — Разделим дело пополам... Нет, постой! Второй брат, а давай и ты вложишь триста лянов? Соберем капитал с трех дворов. Тебе и Тянь-эру достанется по тридцать процентов прибыли, а нашей семье — сорок, раз уж мы берем на себя все хлопоты по управлению. Вы же

будете просто получать свои доли.

Делиться прибылью и держаться вместе всегда было незыблемой традицией рода Дин.

— Идет! — легко согласился Второй дядя. — Сложим девятьсот лянов — с такой суммой мы купим все свободное зерно в округе.

В самой деревне семьи Дин излишков оставалось не так уж много, поэтому собранных средств хватало с избытком.

— Как закончите у нас, отправляйтесь в деревню семьи Ху, а оттуда — в деревню Процветания, — посоветовал дядьям Дин Тянь. — Цену держите честную, ориентируйтесь на то, сколько платили в мирные годы до войны. Мы обирать людей не станем.

В уезде едва насчитывалось чуть больше десяти тысяч дворов, так много ли зерна они могли выставить на продажу?

К тому же у Дин Тяня уже зрел план: впредь всю провизию для нужд тюрьмы он станет закупать исключительно в их семейной лавке. А это означало верный и постоянный доход на многие годы вперед.

Уладив дела с родней, Дин Тянь вернулся в управу и сразу направился к регистратору Сюю, чтобы подать прошение на открытие торгового заведения. Тот выслушал его и как-то странно, с прищуром посмотрел на молодого главного тюремщика:

— А тебе известно, сколько прошений на открытие зерновых лавок легло мне на стол только за сегодня?

— Понятия не имею, господин регистратор. Я ведь только с дороги, — покачал головой Дин Тянь.

— Восемь! — Сюй Чжанфан многозначительно растопырил пальцы. — Восемь прошений, Тянь-эр! И все как один — приезжие, не из наших краев.

<http://bllate.org/book/19387/1997471>